

АЛЕКСАНДР МАРКОВ*

МОДУЛИ МОДАЛЬНОГО**

О НОВОЙ КНИГЕ ЙОЕЛЯ РЕГЕВА

РЕГЕВ Й. РАДИКАЛЬНЫЙ ТИ-ДЖЕИНГ. — ПЕРМЬ : ГИЛЕ ПРЕСС, 2021В.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-355-364.

В новую книгу русско-израильского философа вошли как статьи (Регев, 2019; 2020; 2021а), так и русский перевод работы «Радикальный ти-джеинг: генеральная линия» (Регев, 2021b), прежде доступной только по-английски. Предисловие к книге — попытка зафиксировать ландшафт континентальной философии, изменившийся со времени выхода двух предыдущих книг автора (Регев, 2015; 2016), причем ландшафт, увиденный как мессианский. В континентальной философии мессианство в последние годы как будто затухало, и любые попытки исправить положение, дав слово непредсказуемым, контингентным, темным элементам, оказывались скорее попыткой философии удержать что-то из своего среди странных и непредсказуемых вещей. Регев пишет, что в философии постхайдеггерианской линии — от Бадью до Мейясу — в системе различений требуется срочно найти «квантум лишенной веса твердости», чтобы на него «перенести свой вес» (Регев, 2021b: 10). Слово «свой» здесь не случайно: предположить, что философ может перенести туда вес суждения или признания, чего-то «чужого», а не только «своего», в этой системе невозможно.

Но, заметим сразу, и апостол Павел у Бадью, и Малларме у Мейясу как раз постоянно учились говорить о «себе» без «своего». Скорее, это был поиск мессианской ситуации, которая только и позволяет «не перевозноситься», но при этом оставаться с собой как большим вопросом. Немного эгоцентрическая оптика проскальзывает в предисловии и дальше, например, в следующей фразе: «Об этом столкновении (с абсолютным как невозможным) можно только хранить память, но в нем

*Марков Александр Викторович, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (Москва), markovius@gmail.com, ORCID: 0000-0001-6874-1073.

**© Марков, А. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

нельзя задержаться» (там же: 11). Как будто от нас зависят все остальные задержки, или как будто невозможное не натолкнулось уже на нас как постоянно отстаивающих свою возможность.

Новые материализмы и «темные» философии тоже вызывают возмущение Регева слишком наивной расточительностью: как будто они требуют расплачиваться не валютой мысли, а самими вещами, раздавая их в кратчайшие сроки на дело всеобщего спасения и оставшись ни с чем. Характерно, что Реgev уподобляет «философию различия» нового материализма «наивному сенсуализму» в духе Фейербаха (Реgev, 2021b: 12), хотя явно, что Фейербах исповедовал что-то вроде исторического сенсуализма — представления, по аналогии с историческим материализмом, что все, что дано в ощущении, уже *вложилось* (во всех смыслах) в наш исторический опыт. Равно и новый материализм настаивает на *исторической философии события*, на том, что событие уже вложилось в субъекта, сделав его хоть в чем-то истинным, и еще не раз вложится и восстановит эту истину. Кажется, Реgev упускает, говоря о превращении в новом материализме «субъекта истины лишь в частный случай» (там же), что истина субъекта здесь оказалась превращена в частный случай раньше, чем субъект истины.

В новой книге, в которой отсутствует горизонт *гегемонии* или класса-гегемона, неизбежный в предыдущей книге и оспоренный рецензентами (Сазонов, 2016), Реgev декларирует, что его философия покажет, как возможно уклонение от *становления частным случаем*. Такое становление для него явно множит способы присвоения: возникают сразу внутренние критерии становления и другие притязания на собственность, на идентичность, из-за чего частный случай оказывается не работающим, не умеющим удерживать работу мысли.

Отсюда и требование совершить новый шаг в сравнении с коинсидентологией «к разработке того матезиса, с помощью которого коинсидентальные ряды могут организовываться и прочитываться» (Реgev, 2021b: 15). Двойной страдательный залог не просто так: *уклон* должен отменять прежнее становление, в котором всегда есть какая-то действительность и действенность, какое-то присвоение действительности действительностью; и поэтому он должен служить настоящей диалектике, которую все вещи и бывшие субъекты готовы принять. Не случайно после этого сразу идет строка сразу с двумя опечатками: «...которые работаю (sic!) на основе этого исчисление (sic!)» (там же). Лучше и не выразишь замешательство субъекта, как внезапным возвращением первого лица и именительного падежа через опечатки.

Отрекшись от себя, объявив себя бывшими — как «бывшими» стали аристократы после Октябрьской революции не только потому, что их так заклеямили, но потому, что они действительно могли только чувствовать разрыв между своим прежним и новым положением, — вещи-субъекты получают возможность менять не только прошлое, но и будущее, заниматься тем самым *радикальным ти-джейнгом, микшированием временных пластов* (тайм-ди-джейством). Сама по себе эта идея увлекательна, потому что подразумевает выход за пределы привычных временных переживаний, как розданных своему и чужому, власти забвения и власти над забвением — иначе говоря, эта идея преодолевает привычки романного описания, гегельянского по происхождению, где есть единая линия истории, позволяющая навешивать ярлыки ее участникам: кто бунтари, кто властители, кто повстанцы или революционеры, кто армия и кто полиция.

Можно сказать, что радикальный ти-джейнг — это извод сериальной культуры, в которой уже нет возможности навесить такие ярлыки или они постоянно перенавешиваются. В этой новой культуре можно судить только о том, насколько радикально правильно мы вынырнули из прежних «уклонов», из прежних компромиссов и допущений, после того как допустили что-то недолжное. Понятно, что в этической перспективе *ти-джейнг* требует иначе осмыслить вопросы об ответственности и вине, прощении и исправлении — но это, вероятно, должно стать темой отдельных трактатов про сериалы и конфликты последних лет.

На пространстве специальной главы про радикальный ти-джейнг мы нашли по крайней мере три версии того, как он будет работать. Первую версию можно назвать экономикой сцепки и расцепки, в которой стала возможна отмена материи, энергии, статуса или роли, сознания или действия при конвертации, примерно как в банке: когда ты кладешь деньги на счет, ты отменяешь их у себя как эквивалент товара, чтобы принять их как часть работающей банковской системы. На этой экономике сцепки и расцепки (наш термин) работают многие механизмы, например, покупка Илоном Маском Твиттера и стала такой расцепкой, при которой Твиттер как публичная сфера вдруг отменяется, но сразу же оказывается политическим феноменом современного мира со своим непредсказуемым характером, однако его характер тут же с нетерпением укрощается, для того чтобы вновь запустить хотя бы одно его публичное употребление. Как пишет сам Регев о перемещении из одного мира жизни в другой (Регев, 2021b: 102):

Но для простоты можно считать, что сознание, жившее во вселенной номер один, прекращается, а вместо него возникает сознание, живущее во вселенной номер два, которое было чуть другим. Поэтому никто не замечает такого перехода. Его, по сути, нет — потому что никакой материи, энергии и даже информации во вселенной номер два не появилось (если не считать наших снов, но они не входят ни в один бухгалтерский баланс мироздания — а, наоборот, служат как бы буфером между мирами). [...] Каждый раз, когда мы просыпаемся в другом поезде, мы помним не себя прежнего, а себя нового.

Такая полная смена роли при неизменной консистентности мироздания, которое вдруг оказалось новым, описана транспортно-железнодорожными метафорами: переход, буфер, поезд. При этом более очевидная метафора сцепки и расцепки здесь не используется; вместо нее появляется только «перещелкивание», подразумевающее как бы работу реле (пересадки, переключения). Иначе говоря, в системе Регева ти-джеинг нуждается в некотором *реле*, приставленном к каждой вещи. Этим реле может быть деятельность сознания, воспоминания и готовность к действию, но существенно то, что вся эта деятельность не связывает, а выступает как реле для дальнейшей новой системы связей, новой констелляции. Таким образом, экономика основана на своеобразной каббалистической инфляции, когда подешевевшие деньги выступают как реле для того, чтобы все-таки мир остался функциональным, весь мир вещей сохранился; как, например, в супермаркете мы замечаем, что цены выросли, но делаем из этого вывод, что изменилась наша жизнь, а не супермаркет.

Вторая версия ти-джеинга выстроена на догадках Жижека, и это не случайно, потому что для Регева Жижек, как он отметил еще в старом интервью, — мастер такой искусственной инфляции, единственный, кто может ее оседлать (Регев, 2017):

В какой-то момент свою роль сыграл и Славой Жижек. Сологуб говорил, что у него есть стихи по рублю за строчку, есть те, которые по 20, по 50 копеек. Так же и с Жижеком: его тексты имеют разную ценность, но есть несколько действительно важных книг — например, «Возвышенный объект идеологии».

Соответственно, подход Жижека к идентификациям, которые могут микшировать время переживания и полностью переподчинять энергию *либидо* этому открытию разности времен, оказывается очень продуктивным. Можно говорить, что в современном мире *либидинальны* беженцы: именно они, переподчиненные системе мировых конфликтов, открывают разницу между временами, в которых живут разные страны, и тем

самым вызывают сочувствие, общую симпатию. Но Регев обобщает проект Жижека как полностью присвоенный индивидуальному действию, которое и может осуществить критику пустоты: например, увидеть, как агрессивные действия изобретают себе фантомы.

Речь идет об особом рода способности, которую можно было бы охарактеризовать как способность совершить прыжок через пропасть, а затем забетонировать провал, через который мы перепрыгнули, и проложить через него многополосное скоростное шоссе... (Регев, 2021b: 105–106)

Но чтобы это шоссе не стало фантомом, следует, как мы думаем, разделить регламент его строительства и экзамен, что это шоссе построено. В этом смысле агрессия (и следующее из нее угнетение) тем плоха, что сначала сдает экзамен, а после регламентирует правила его сдачи, показывая свою действенность, а после заявляя, что она не стала тотальной, а значит соблюла регламент. В современном мире мы видим, что такой агрессии недостаточно противопоставить просто критику маскулиноцентризма как угнетения, потому что здесь речь не просто о маскулинности или эксплуатации, а об особом отказе строить шоссе на равных с другими строителями (будь то пускание дела на самотек или применение особых ресурсов власти и влияния), а значит, нормальное строительство шоссе при политическом равенстве выступает как экономика *найма* в противоположность экономике *страховки*. Насильник как раз всегда участвует в *экономике страховки*, что кто-то покроет его преступление, тогда как *экономика найма* и создает тот ти-джеинг, который позволяет распределить усилия по строительству шоссе по разным временам, а значит качественно его проложить. Поэтому мы опять же скажем, что эта версия лучше бы отказалась от постоянных ссылок на «нехватку» в психоаналитическом смысле, а ввела бы как ключевое понятие «регламент-и-экзамен» так же, как первая ввела бы «сцепку-и-расцепку».

Наконец, третья версия ти-джеинга основана на большевистско-ленинском подходе, в котором происходит переключение внутри каждого института: прежде поддерживающие эксплуатацию эти формальные и неформальные институты теперь ведают распределением реального — от распределения продуктов по карточкам к распределению творческих и изобретательских возможностей, которые в 1920-е годы оказываются вдруг *реальными* для всех, перестают быть частью цепочки эксплуатации разнородных ресурсов, включая свои интеллектуальные ресурсы

каждого интеллигента-авангардиста. Реgev не говорит об опыте авангарда, но при этом выдерживает метафорику, уже не железнодорожную, как в первом случае, и не снабженческую, как во втором, но метафорику действия под чужими документами, которая сперва не заметна (Реgev, 2021b: 111):

Подлинный большевистско-ленинский подход может основываться лишь на понимании того, что время — это «хорошо обоснованный феномен», то есть что его власть основывается на глубинных онто-экономических структурах и для борьбы с ним необходима радикальная интервенция в сферу распределения реального. [...] Любые попытки оперировать с темпоральными рядами будут обречены на маргинализацию до тех пор, пока они не поставят перед собой цели захвата почт, телеграфов и банков времени — тех пунктов, через которые и благодаря которым осуществляется власть той силы сжатия и выравнивания, на которой зиждется сила времени.

Понятно, что этот большевистский подход осуществляется под чужими документами: на любой склад распределения тебя пустят, только если ты переоденешься и покажешь чужой пропуск. При этом практика большевизма как раз подразумевает не столько *уравнительные бумажные пропуска* (по нашему мнению, как раз их введение ради ослабления и подрыва политической конкуренции и было первым шагом от большевизма к сталинизму) или пистолет, заменяющий доброе слово, сколько *мандаты* от чего-то большего.

Допустим, матросы пришли захватить телеграфную станцию, которая хорошо охраняется. Конечно, охрана этой станции может дать отпор, более того, может обратиться за подкреплением и может еще и вполне при этом блефовать. Преимущество революционных матросов только в том, что они *не блефуют* — они действительно уполномочены каким-то мандатом, а тот, кто выдал этот мандат, был уполномочен еще каким-то мандатом; и даже если какие-то мандаты распределялись недостаточно организованно, «большевистская организация» — это не пустые слова. Эта организация может не иметь своего плана действий на далекое будущее, но она подразумевает, что за каждым мандатом стоит еще какой-то мандат, и в конце концов самым общим мандатом оказывается сама революционная ситуация, распределившая все полномочия мандатодателей и мандатополучателей.

Но тем менее убедительно звучит это «пока» в приведенной цитате, как будто бы документы для работы под прикрытием или по поручению, равно как и запас денег и пистолетов на всякий случай, выдаются

потому, что выдавший их заранее знает, как работать под прикрытием и каково содержание поручений, когда они начинают осуществляться на деле. В действительности же документы такого рода выдаются для того, чтобы *расписать расписание*, чтобы убедиться, например, что открытие таких-то хлебных складов спасет Петроград, а перевоз (трансфер) таких-то винтовок Мосина позволит избежать грабежей.

Просто говорить, что маргинальным будет открытие хлебного склада прежде взятия телеграфа — это, конечно, уместно, если допускать, что через телеграф могут быть распущены ненужные слухи, но неверно, если признать, что это открытие тоже стало событием в росписи дней, уместным для телеграфного расписания. Не случайно на нашей памяти Трамп боролся с фейк-ньюз, потому что в его системе как раз телеграф должен работать не по расписанию, а как продолжение его тела, его политического присутствия, и *фейком* оказывается (объявляется) все, что, успев стать политическим событием, уже не может стать частью его политического тела. Равно как и налаживание штабом Хиллари Клинтон идеального расписания, в котором есть только уместные вещи и предложения, в конце концов оказалось маргинальной стратегией: по такому телеграфу ничего нельзя по-настоящему *передать*, можно только принимать все более новые и жесткие административные решения. Поэтому здесь, конечно, надо бы отказаться от слова «пока», и тогда микширование времен не будет зависеть ни от личного эгоизма бюрократов, ни от безличного эгоизма бюрократии.

О вошедших в книгу трех статьях, доступных читателю, скажем кратко. В статье о Нике Ланде (Реgev, 2021a; Реgev, 2021b: 17–42) привлекает подход к природе, наследующий аристотелевскому противопоставлению животного инстинкта и человеческой доблести, только животное отождествляется с капиталистическим, а доблестное — с «нечеловеческим». Ланд, по мнению Регева, создает некоторый дефицит будущего, потому что аттракцион ускорения в его диснейленде/диссналанде однообразен. На это мы возразим, что на этом аттракционе мы видим не «постоянно спотыкающегося и падающего героя» (там же: 31), а героя переворачивающегося, устраивающего *стасис* (я бы предпочел называть стасис *седущией*, по латыни, а не по-гречески, чтобы разнообразить метафорику стояния-состояния и сидения-подсидивания) и переворот в себе, просто не успевающего мечтать о себе как о другом, но довольствующего собой как собой. Так что если здесь дефицит, то скорее дефицит стасиса из-за слишком «продуманной селекции» (там же: 36), и разрешить его, по-нашему, можно не через нахождение точки «возможного

размыкания» (Реgev, 2021b: 37), а через то, чтобы сделать продуманную селекцию *задумчивой*: чтобы ей оказалось желанно немного подумать о своем как о невозможном, раз отбор уже начался — и только полноценный (он же — задумчивый) *стасис* помешает этому отбору стать истреблением попавших под руку вещей и возможностей.

В статье о Негарестани (Реgev, 2019; Реgev, 2021b: 43–62) Реgev тонко раскрывает смысл «Циклопедии» как романа о двойном предательстве: нас предаёт и возможность пережить невозможное, и невозможность прожить возможное. Мы оказываемся внутри своего собственного ресурса, который отменяет стасис, переносит революцию на неопределенное время, так что нам приходится следить только за тем, как время спотыкается о себя, оказывается временем неготовности. Но получается, что неотменный стасис возможен не столько благодаря ти-джеингу, сколько благодаря переворачиванию, перевороту, который и становится единственным устройением тебя как *тебя*, *себя* как *себя*, а не как себя-для-другого или себя-в-виду-другого; что на поверку и означает, что всякий раз, когда другой готов принять тебя, то ты не готов к этому до конца. Эту неготовность и пестуют нефтяные циклоны, ресурсное проклятие, исследуемое в романе Негарестани.

Наконец, в статье об исчислении сред (Реgev, 2020; Реgev, 2021b: 63–92) Реgev говорит не о двойном предательстве, но двойном благословении. С одной стороны, благословляет ти-джеинг умение «вовремя выпрыгнуть» с «нужного поезда», когда система прогресса разобрана во всех смыслах, разобрана до косточек (там же: 73). Тогда

обслуживающий машину по нарезанию миров агент в этих обстоятельствах активен, подобно кановскому субъекту-ремесленнику, но, как лейбницевский Бог, он не довольствуется одним, а выбирает (там же).

С другой стороны, благословляет «схема» как «совокупность правил, протокол», позволяющий и создать с помощью временной последовательности указаний, как и куда вести черту, однозначно опознаваемый рисунок.

Здесь получается, что схема противоположна стасису, (рас)пре, как нечто, что уже вовремя составило себе и расписание, и способ распорядиться расписанием свободно. Существенно, конечно, что слово *схема* происходит от ἔχω — *имею*. Это то, что имеется, строение, осанка, *имение* в собственном смысле. Остается выяснить только одно: как распорядиться свободно не для другого (не-для-другого), торопящего тебя незаметно для тебя, а для себя, «возлюбив ближнего как самого

себя», в том числе вовремя в этой любви спрыгивая с поезда прогресса и отходя от увлечения нарезанием миров.

ЛИТЕРАТУРА

- Реgev Й. Коинсидентология : краткий трактат о методе. — М. : Транслит, 2015.
- Реgev Й. Невозможное и совпадение: о революционной ситуации в философии. — Пермь : Гиле Пресс, 2016.
- Реgev Й. «Альтюссер задушил жену, потому что его диалектика была не достаточно материалистической»: читательская биография философа Йозеля Реgeва / Горький. — 2017. — URL: <https://goriky.media/intervyu/altjusser-zadushi-1-zheny-potomu-chto-ego-dialektika-byla-ne-dostatochno-materialisticheskoy> (дата обр. 20 мая 2021).
- Реgev Й. Реza Негарестани : гусь на лоне вод // Неприкосновенный запас. — 2019. — № 4. — С. 12–23.
- Реgev Й. Введение в исчисление сред // Логос. — 2020. — Т. 30, 5 (138). — С. 1–22.
- Реgev Й. Дисс-на-Land // Логос. — 2021a. — Т. 28, 2 (123). — С. 139–158.
- Реgev Й. Радикальный тиджеинг. — Пермь : Гиле Пресс, 2021b.
- Сазонов Н. Zoom x 2 : что совпало в коинсидентологии и почему это нужно разделить // Логос. — 2016. — Т. 26, 6 (115). — С. 236–242.

Markov, A. V. 2022. “Moduli modal’nogo [Modal Modules]: o novoy knige Yoyelya Regeva [About Yoel Regev’s New Book]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 6 (2), 355–364.

ALEKSANDR MARKOV

FULL PROFESSOR

RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0001-6874-1073

MODAL MODULES

ABOUT YOEL REGEV’S NEW BOOK

REGEV, Y. 2021. *RADIKAL’NYY TI-DZHEING [RADICAL TJING]* [IN RUSSIAN]. PERM’: GILE PRESS

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-355-364.

REFERENCES

- Regev, Y. 2015. *Koinsidentologiya [Coincidentally]: kratkiy traktat o metode [A Brief Treatise on Method]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Translit.
- . 2016. *Nevozmozhnoye i sovpadeniye: o revolyutsionnoy situatsii v filosofii [The Impossible and the Coincidence: On the Revolutionary Situation in Philosophy]* [in Russian]. Perm’: Gile Press.

- . 2017. “‘Al’tyusser zadushil zhenu, potomu chto yego dialektika byla ne dostatochno materialisticheskoy’ [‘Althusser Strangled his Wife Because his Dialectic was Not Materialistic Enough’]: chitatel’skaya biografiya filosofa Yoelya Regeva [Reader’s Biography of the Philosopher Yoel Regev]” [in Russian]. *Gor’kiy*. Accessed May 20, 2021. <https://goriky.media/intervyu/altyusser-zadushil-zhenu-potomu-chto-ego-dialektika-byla-ne-dostatochno-materialisticheskoy>.
- . 2019. “Reza Negarestani [Reza Negarestani]: gus’ na lone vod [A Goose in the Bosom of the Waters]” [in Russian]. *Neprikosnovennyi zapas [An Inviolable Reserve]*, no. 4: 12–23.
- . 2020. “Vvedeniye v ischisleniye sred [An Introduction to the Calculus of Environments]” [in Russian]. *Logos [Logos]* 30 (5 (138)): 1–22.
- . 2021a. “Diss-na-Land [Diss-ney-Land]” [in Russian]. *Logos [Logos]* 28 (2 (123)): 139–158.
- . 2021b. *Radikal’nyy ti-dzheing [Radical TJing]* [in Russian]. Perm’: Gile Press.
- Sazonov, N. 2016. “Zoom x 2 [Zoom x 2]: chto sovvalo v koincidentologii i pochemu eto nuzhno razdelit’ [What Coincided in Co-Incidentology and Why It Should be Divided]” [in Russian]. *Logos [Logos]* 26 (6 (115)): 236–242.